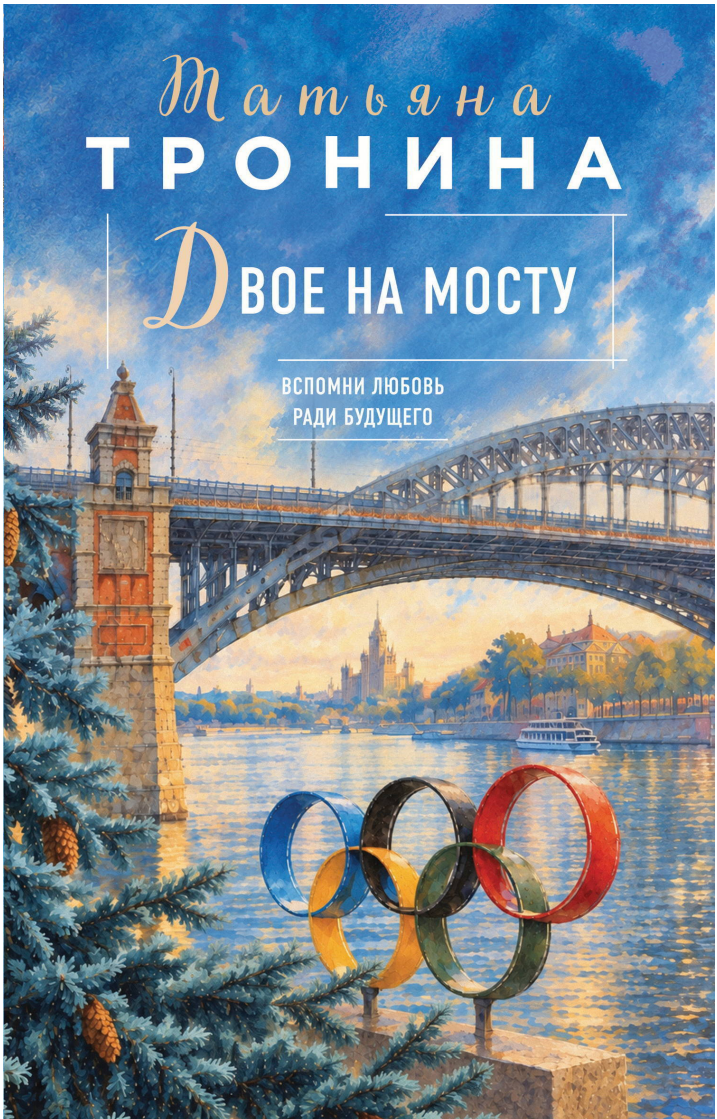
Татьяна

ТРОНИНА

Двое на мосту

ВСПОМНИ ЛЮБОВЬ
РАДИ БУДУЩЕГО

Татьяна Михайловна Тронина

Двое на мосту

Серия «Нити любви. Романы Т. Трониной»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74828071
ISBN 978-5-04-258364-3

Аннотация

Финал эпичной истории о любви, времени и выборе между личным счастьем и судьбой страны.

А что, если ради спасения миллионов придётся рискнуть тем единственным счастьем, которое ты так долго искала?

Алена уже стала женой и легендой для тех, кого сумела спасти. Но пришло время стать кем-то большим. Ради близких и ради миллионов, чьё будущее висит на волоске, Алене придётся шагнуть в самое пекло – в Москву 1980 года, охваченную олимпийской лихорадкой и тайной борьбой за власть. Цена ошибки – всё, чего она добилась. Награда за победу – не просто изменённая история, а шанс на личное счастье, мечта о котором теплится в самом сокровенном уголке души героини.

Прошлое готово рухнуть, тайны машины времени вырываются наружу, а враги не оставляют путей к отступлению. Финал истории, где сойдутся ответы на все вопросы.

Похоже на:

– Сериал «Обратная сторона Луны» – по теме перемещения во времени и попыток изменить советское прошлое

– Фильм «Мы из будущего» – по теме путешествия во времени и переписывания истории

– «Вам и не снилось» Галины Щербаковой – простая и трогательная история о первой любви на фоне советской эпохи

Причины прочесть:

1. Финал масштабного цикла, где сходятся все сюжетные линии и читатель наконец получает ответы на вопросы, которые копились три книги.

2. Действие разворачивается в Москве накануне Олимпиады-80 – атмосфера легендарного события передана с исторической точностью и множеством узнаваемых деталей эпохи.

3. Взрывной микс жанров: любовный роман, фантастика про машину времени и почти шпионский детектив – всё это держит в напряжении до последней страницы.

4. Уютная, «ламповая» атмосфера советского ретро погружает в эпоху и позволяет ненадолго сбежать из настоящего в тёплое, узнаваемое прошлое.

Татьяна Тронина
Двое на мосту

© Тронина Т., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Я вышла из метро «Арбатская», а затем свернула на Бульварное кольцо. Ветер дул еще холодный, напоминая о недавней зиме. Но когда из-за облаков выглянуло апрельское солнце, то словно теплая ладонь ласково провела по моим волосам.

На бульварах было довольно пусто в этот час, город замер в зыбкой тишине буднего дня.

У недавно построенного здания ТАСС на растяжках висел огромный плакат: над олимпийскими кольцами изобразили стилизованное здание в виде Кремлевской башни – параллельные линии в форме пирамиды, которую венчала пятиконечная звезда. Линии напоминали беговые дорожки, а рядом красовался олимпийский мишка, внизу надпись – «МОСКВА 1980».

На противоположной стороне улицы висел еще один плакат, напоминая о главном событии предстоящего лета.

Купив в киоске мороженое, я по Тверскому бульвару на-

правилась в сторону улицы Горького.

…У пломбира был сливочный, отчетливо шоколадный вкус и плотная, нежная текстура. В это время еще не было принято наполнять мороженое орешками, печеньем, джемом, воздушным рисом, кусочками ягод… Словом, в купленном мной сейчас лакомстве отсутствовали добавки, которыми его «украсят» в будущем. Теперь они виделись мне излишеством, которое портило натуральный вкус продукта. К тому же за эту навязанную, дополнительную «красоту» и «разнообразие» покупатель должен был еще и доплачивать – маркетинговый ход, что поделать.

Я почувствовала, что невольно жмурюсь от удовольствия. Наконец-то настоящая весна! Снег растаял, можно ходить без шапки и есть мороженое на улице. Я была частью этого мира – молодая, красивая, двадцатилетняя. Просто шла по апрельской Москве и ела мороженое. И этого было более чем достаточно для счастья.

Я словно растворялась в прозрачном воздухе. Рядом в окутанных зеленой дымкой кустах, где еще только набухали почки сирени, деловито и весело шумели воробьи. На газонах только-только начала пробиваться первая ярко-зеленая, еще не успевшая покрыться городской пылью трава.

Пахло весенней сыростью, землей и краской – неподалеку рабочие дружно обновляли ограду вдоль бульвара.

Оказавшись на середине бульвара, я заметила, что навстречу мне лениво бредет старая цыганка в длинной цвета-

стой юбке и короткой шубе с проплешинами. Ее лицо, темное и изрезанное глубокими морщинами, напоминало маску. В руке цыганка сжимала короткую фарфоровую трубку. Старуха смотрела прямо на меня. Я подошла к газетному стенду и сделала вид, что читаю. Она настырно встала рядом.

– Ай, молодая, красивая, позолоти ручку… – Голос у нее был сиплым, надтреснутым. – Дай погадаю, судьбу твою расскажу.

– Спасибо, не надо, – отрезала я.

– Да ты не отказывайся, я тебя не обману. Что было, что будет, дорогу тебе укажу. Вижу, мысли твои далеко отсюда… дай ладонь, слышь?

«Врет ведь», – без тени сомнения подумала я. Я никогда не верила гадалкам, ни разу в жизни к ним не обращалась. Но ощущение счастья внутри меня начало постепенно сменяться отчаянием.

Но… а вдруг? Вдруг эта странная старуха увидит в линиях на моей ладони то самое, чего я всеми силами жажду? Я почти инстинктивно, еще не отдавая себе отчета в своих действиях, полезла в карман за кошельком.

– Скажи мне, сбудется ли то, о чем я мечтаю? – Я протянула ей раскрытую ладонь другой руки.

Я позволила цыганке погадать мне не из веры в чудеса, а просто из отчаянного желания увидеть хоть какой-то знак судьбы.

Ее пальцы в золотых кольцах скользнули по моей ладони.

Чего я ждала? Наверное, обычной чепухи о долгой дороге и казенном доме. Но вместо этого гадалка замерла, напряженно уставившись на мою ладонь.

– Странная у тебя рука, красавица… – Она вдруг поджала губы, нахмурилась. – На ней две линии жизни.

Я вздрогнула, хотела вырвать руку, но чужие пальцы впились в мое запястье.

– Да погоди… Не бывает такого. У тебя прошлое старухи и будущее молодухи! – Цыганка уставилась куда-то в пространство за моей кистью, ее зрачки расширились, глаза стали абсолютно черными, голос изменился, стал глуше. Она как будто впала в транс и медитировала. – В далеком прошлом я вижу возле тебя пустую колыбель. Да, это твое горе. Но оно старое. Было у тебя, а потом опять пришло к тебе. Это новое горе. Ты два раза теряла нерожденное дитя – из-за чьей-то злобы! Но между этими потерями – долгие годы… Слишком долгие для одной жизни, чтобы такое стало возможным.

Горло у меня перехватил спазм, сердце забилось.

– Это было, все понятно, но что там впереди? – с трудом выговорила я. – Ты видишь еще колыбель?

И тут старуха снова взглянула как будто сквозь меня. А потом отшатнулась.

– Кто ты? – Она вдруг задышала часто-часто.

– Человек… – пожала я плечами.

– Нет! Ты не человек! Ты не отсюда! – закричала она хрип-

лым, каркающим голосом. – Там, откуда ты пришла, у тебя была другая судьба! А здесь… – Цыганка снова посмотрела сквозь меня, и по ее лицу пробежала судорога. – Здесь у тебя другая жизнь. И эти две жизни схватились в борьбе, аж искры летят! Я не знаю, чья возьмет. Но такого не может быть!

Ее лицо искажал уже не просто страх, а животный ужас.

– А вот бывает, – мрачно усмехнулась я. И протянула ей десятирублевую купюру – большая сумма для этого времени. Настойчиво попросила: – Возьми, я тебе верю. Только скажи мне про будущее. Ты ведь поняла, что именно я хочу узнать.

Но гадалка даже не отреагировала на предложение денег. Она пристальнее вгляделась в мое лицо. Фарфоровая трубка выпала из ее пальцев и с глухим стуком ударилась о землю, не разбившись.

– Я такого отроду не встречала… Что ты со временем натворила? Люди такого не умеют! – Старуха, спотыкаясь и путаясь в длинном подоле юбки, отбежала на несколько шагов, обернулась и выкрикнула уже издалека, словно заклинание: – Сгинь, изыди, сгори дотла в пламени!

Она забормотала еще что-то невнятное на своем языке, осеняя воздух перед собой крестом. Потом резко развернулась и почти побежала, иногда оглядываясь – словно хотела убедиться в том, что я ей не привиделась. Скоро пестрое пятно растворилась в прозрачной дымке молодой листвы.

Я стояла, застыв, с купюрой в руке. Что гадалка увидела? Что могло так напугать видавшую виды старуху, что она от-

казалась брать червонец и даже бросила свою трубку?

Похоже, у этой женщины определенно имелись паранормальные способности. Она увидела правду обо мне.

А правда была одновременно проста и невероятна. Год назад я прибыла сюда из будущего. Из 2025 года. Там мне было шестьдесят три года.

Сюда меня отправил в экспериментальной капсуле времени мой бывший одноклассник Николай, чтобы спасти своего старшего брата Артура от смерти.

Я в далекой юности была безответно влюблена в Артура. Николай узнал об этом и предложил мне спасти Артура от нечаянной гибели. А мне… мне и правда было уже нечего и некого терять.

Так странно – оказаться молодой и красивой в своем же прошлом, в жизни, которую уже проживала, чтобы попытаться все начать заново и переписать судьбы. Изменить будущее.

Теперь я – Алена Дельмас (ударение на последнем слоге, это французская фамилия), на сегодняшний день мне уже двадцать лет. Я живу у своего мужа – Артура Дельмаса. Вместе с его родителями. Артуру двадцать пять, он талантливый ученый, и мне действительно удалось отвести от него беду. Здесь у меня есть бабушка, пусть и не родная (я ее называю Бабаней), она живет в том же доме, в котором и я когда-то жила. В соседнем подъезде обитает моя мама и… я. Лена-прошлая, так я мысленно «окрестила» своего двойни-

ка. Но они даже не догадываются, насколько связаны наши судьбы.

Мне удалось захватить с собой в прошлое несколько «умных» устройств из двадцать первого века.

Я успешно поступила в Литературный институт.

Изначально я не собиралась никого обманывать, пользуясь технологиями, взятыми из будущего, я просто хотела незаметно влиться в здешнюю жизнь, занимаясь чем-то привычным и любимым (в прошлом я работала в библиотеке, будучи при этом еще и страстной читательницей). В новой жизни – не трудиться было нельзя. К тому же я все еще чувствовала груз прежних лет, невозможно же сразу забыть о том, что отпахала до пенсии, а потом бац – опять впрягайся по второму кругу в ту же пахоту.

Отчего не стать студенткой и не погрузиться в историю литературы, которую я прекрасно знала… Вот как я рассуждала в 2025 году, собираясь отправиться в прошлое и продумывая для себя сценарий новой жизни.

Но мою повесть, написанную с помощью искусственного интеллекта по мотивам популярных в конце семидесятых – начале восьмидесятых сюжетов («Вам и не снилось», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и других) – взяли да и опубликовали в журнале «Юность». А потом ее экранизировали, в марте на большие экраны вышел фильм, и я стала знаменита.

Нет, не настолько, чтобы меня узнавали на каждом углу,

но имя мое многие уже запомнили.

Но я же не собиралась становиться известной! Все эти действия – и публикацию, и экранизацию – провернули буквально за моей спиной, против моей воли, и заплатили мне столько, что я была шокирована. Ведь таких денег я не заслужила.

И тогда, не желая больше обманывать окружающих, я попробовала писать сама. Так было честнее, и совесть мучила бы меньше. Но получилось еще хуже, вернее лучше (это как посмотреть). Моя очередная работа всем понравилась, и ее опять опубликовали…

Но главное – ее тоже захотели выпустить на экраны! Правда, на этот раз экранизацией решил заняться другой режиссер, Диковский, и как раз сейчас шли съемки в Подмосковье.

Да, вторую повесть написала я сама, но слава все равно казалась мне незаслуженной, и самое страшное – я не хотела такого внимания к своей персоне. Вдруг меня разоблачат?

Пока о том, что я прибыла сюда из будущего, знал во всех подробностях только мой муж, Артур.

Но скоро о моей тайне случайно услышали две девушки-недоброжелательницы, Нина и Валерия. И вот эти двое могли запросто испортить мне жизнь… Хотя куда уж больше: из-за Валерии у меня случился выкидыш в этом самом времени. А новая беременность все не наступала, хотя мы с Артуром так мечтали о ребенке.

Зачем я позволила гадалке удрать, надо было вцепиться в

нее и вытрясти всю правду о своем будущем! Я уже хотела бежать следом, но потом опомнилась. Огляделась.

День был рабочим, и на скамейках, прогретых солнцем, этим будним утром расположились группами и поодиночке в основном пожилые люди. Некоторые играли в шахматы. У газетных стендов стояла пара немолодых мужчин, они взволнованно обсуждали статью в «Литературной газете».

Картина была самой мирной, но куда исчезло ощущение счастья, в котором я буквально купалась только что?

Я направилась к Литературному институту, в котором училась.

…Тверской бульвар, 25. Тревога, вызванная разговором со старой цыганкой, не покинула меня даже в стенах альма-матер.

Я шла по коридору, а перед мысленным взором все еще мельтешил образ убегающей цыганки и белела на земле фарфоровая трубка.

– Алена… Как раз тебя ищу! – Из-за двери показалось оживленное лицо Ольги Алексеевны, секретаря деканата. – Зайди, пожалуйста.

Я вошла в маленькую, заставленную от пола до потолка папками и журналами комнату.

– Дело серьезное. – Ольга Алексеевна порылась в ящике стола и наконец извлекла машинописный лист, протянула его мне. – Вот, направление… Тебя официально командируют в Подмосковье, в санаторий «Заря». Завтра за тобой

заедет машина.

Внизу документ украшал фиолетовый оттиск печати и стояла размашистая подпись ректора.

– Зачем? – растерянно спросила я.

– Как мне объяснили, съемки фильма по твоей повести под угрозой срыва, – пояснила секретарша. – Худсовет не принимает материал. Режиссер, Диковский, в ярости, а сценарист в растерянности. Решили обратиться к источнику – к тебе. Ты же автор, вдруг чего придумаешь…

– Когда ехать? Завтра? А как же занятия, семинары в институте… – неуверенно произнесла я.

– Все улажено, не беспокойся, – заверила Ольга Алексеевна. – Преподаватели уже предупреждены, с ректором все согласовано лично. Это очень важно для нашего кинопроизводства. – Она торжественно посмотрела на меня. – Как я поняла, работу тебе оплатят. Жилье предоставят на месте, питание трехразовое тоже гарантируют. И сегодня можешь на лекциях не присутствовать, поезжай домой, собирайся. Тебе повезло – место хорошее, сосновый воздух.

– Да я уже была там как-то, в этой «Заре», – тихо сказала я, забирая направление. – Все понятно. Надо так надо… А надолго меня туда отправляют?

– Понятия не имею! – развела руками Ольга Алексеевна. – Неделя, две… Как работу сдашь, тогда, глядишь, и вернешься.

Итак, меня ждет отъезд на неопределенный срок… Раз-

лука с домом. И с Артуром, значит…

Я вышла из секретариата, притворив за собой дверь. В голове снова всплыл образ цыганки, ее расширенные от ужаса глаза. Что она разглядела в линиях на моей ладони? Смогла ли старуха заглянуть в грядущее? В то самое будущее, которое я пытаюсь здесь построить?

Я медленно побрела по коридору к выходу.

Со всех сторон из приоткрытых дверей аудиторий до меня доносился студенческий смех, гул разговоров. Скоро начнутся лекции – обычный, расписанный по часам учебный день. Счастливые люди – эти студенты! Им не нужно ничего скрывать, не приходится тайно наблюдать за кем-то, никого не надо опасаться… Эти ребята даже не догадываются, каким станет этот мир через каких-то десять лет.

Или уже не станет, учитывая те шаги, что мы предприняли с Артуром в попытке изменить ход истории?

* * *

Выйдя из метро, я прямиком отправилась в магазин «Океан» – купить на ужин трески. Это был мой любимый магазин, хотя не все домашние разделяли мои пристрастия. Домработница Дельмасов, Раиса, каждый раз с тоской смотрела на мои покупки и ворчала: «Ну что мы, кошки какие, так часто эту рыбу есть будем?»

Дело в том, что в конце семидесятых рыбу в целом не лю-

били. От нее, конечно, не отказывались, но предпочтение отдавали деликатесным породам вроде осетровых или лососевых, ну и малосольной селедочке. Шпроты в виде консервов – обожали. А вот большинство обитателей морей и рек у населения энтузиазма не вызывали. Для многих треска или хек были скорее гастрономической повинностью, чем лакомством.

Удивительно, но добывали рыбы много, и стоила она дешево. Консервы «Килька в томате» из-за копеечной цены считались едва ли не символом бедности. Печень трески в баночках тоже была доступной. Очередей за минтаем, хеком или мойвой не стояло – все это продавалось в избытке.

Но даже при таком разнообразии ассортимента рыба все равно не пользовалась любовью. Дети в садиках морщились от ледяной, а мужчины ворчали, что «рыбой не наешься» – продукт уж слишком диетический. Морскую капусту и кальмаров многие вообще за еду не считали. Экзотические названия вроде «простипома» вызывали усмешку: «Хорошую рыбу простипомой не назовут!» Нототения и макрурус тоже воспринимались без восторга.

А хек? Его считали второсортным товаром. В столовых висели плакаты в его защиту: «Не всякий знает человек, как вкусен серебристый хек». Или: «Рыба – дополнительный источник белка, цинка и йода».

Причины неприязни были просты: рыба быстро приедалась, готовить ее было хлопотно – чистить, потрошить, а ко-

сти в ней раздражали и пугали.

Да, за деликатесами вроде копченой семги или икры выстраивались очереди. Но мысль есть рыбу каждый день, как я, казалась большинству странной и даже сомнительной.

Чтобы изменить ситуацию, государство в начале 1970-х годов запустило очередную масштабную пропагандистскую кампанию: от телепередач до внедрения обязательного «рыбного дня» (обычно четверга) в столовых. А параллельно решили изменить сам подход к продаже. Так родилась сеть фирменных магазинов «Океан» по всей стране. За первые годы открыли больше сотни точек, оснащенных передовым оборудованием.

Особый ажиотаж вызывали у посетителей аквариумы с живой рыбой. Не меньше удивляли публику и огромные холодильники-витрины, где предлагали уже готовое филе и стейки, которые не надо было разделывать, – неслыханное удобство! Многие, впрочем, считали, что государство, навязывая населению морепродукты вместо мяса, просто экономит. Ведь рыба и правда была куда дешевле.

Мне, попавшей сюда из будущего, такое положение дел казалось просто невероятным. В моем времени врачи всего мира наперебой расхваливали средиземноморскую диету и рекомендовали есть морепродукты как можно чаще. Но стоила рыба в двадцать первом веке непомерно дорого, и я покупала филе минтая только по акции, воспринимая это как большую удачу. (Да и мясо стало почти предметом роскоши:

говядина была мне не по карману, изредка я позволяла себе свинину, а в основном питалась курицей и чуть реже – индейкой.)

И вот теперь я наконец-то дорвалась до трески – которая, кстати, тоже считалась здесь весьма простой, дешевой рыбой. Попадая в «Океан», я с наслаждением вдыхала специфический морской запах, царивший в зале, и чувствовала себя настоящей богачкой, разглядывая серебристые тушки морских и речных обитателей. Это было мое личное завоевание: живя в прошлом, я могла позволить себе то, что в «продвинутом» двадцать первом веке оказалось для меня уже недоступным.

…Я толкнула тяжелые стеклянные двери и вошла в «Океан». Сразу возникло стойкое ощущение, будто я попала в супермаркет из своего будущего. Просторный зал сиял под лампами дневного света. Открытые стеллажи и низкие холодильные лари позволяли подойти, рассмотреть и выбрать все самостоятельно.

Передо мной разворачивалось настоящее изобилие: аккуратные горки стейков палтуса и филе хека, лоснящиеся тушки копченой скумбрии и ставриды, целые батареи консервов. Дальше шли дары моря: кальмары, осьминоги, вареные креветки в картонных коробочках. Я любила пасту «Океан» из антарктического криля. Эта розовая белковая масса со сладковато-креветочным вкусом продавалась замороженными брикетами и шла на закуски, паштеты и салаты. Бабаня

обжаривала такую пасту с луком и морковью – получалось очень вкусно.

Отдел кулинарии манил готовыми деликатесами: заливное из осетрины в прозрачных лотках, селедочное и икорное масло, вязига для пирогов, салаты. Особенным шиком считались бутерброды с копченой севрюгой, разложенные на больших блюдах.

Отдельное место в моем личном рейтинге занимала икра минтая. Стоила она недорого, и я обожала бутерброды со сливочным маслом и этой икрой. Она казалась мне настоящим деликатесом – как в прошлой жизни, так и в нынешней.

В «Океане» можно было найти и экзотические продукты. Помимо кальмаров, попадались плавники акулы, а в коробках с креветками счастливчики иногда обнаруживали засушенную морскую звезду – маленький трофей из океанских глубин. Отдельно выставлялось китовое мясо – огромные замороженные брикеты и консервы. Оно стоило копейки, но отношение к нему было неоднозначным: одни находили его вкусным, другие морщились от стойкого привкуса рыбьего жира. Это было время, когда охоту на китов еще не запретили, и присутствие такого продукта на прилавке служило своего рода символом эпохи.

И все было бы здесь прекрасно, если бы не одно но. В магазине царил нерезкий, но отчетливый запашок. Я невольно отметила про себя, что и в будущем в рыбных отделах даже дорогих супермаркетов этот характерный «аромат» никуда

не денется.

И тут я увидела Нину в голубом плаще. Держа в руках авоську, она неспешно двигалась между рядами стеллажей.

Подойдя к витрине с замороженным филе, Нина несколько раз потыкала пальцем в ледяную глазурь, а потом резко, словно обжегшись, отдернула руку и отвернулась к батареям консервов. Ее лицо исказила гримаса отвращения.

Дальше – хуже. Увидев серые брикеты китового мяса, Нина непроизвольно прикрыла ладонью рот, сглотнула и на мгновение зажмурилась, явно борясь с приступом тошноты. Что же тогда занесло ее сюда?

Побледнев, Нина прижала ладони к груди, сделала несколько неуверенных шагов и, с трудом добравшись до конца зала, опустилась на скамейку. К ней немедленно подскочила продавщица в накрахмаленном, стоявшем колом белом халате и, оглядев довольно корпулентную покупательницу, обеспокоенно зачастила:

– Вам плохо, женщина? Тошнит? Вы в положении, да?

– Что-о?! – возмутилась Нина. – Какая я вам женщина, какое положение? Я вообще не замужем, я, может, еще и не целовалась даже ни с кем… Мне плохо, я очень больной человек!

Сотрудница всплеснула руками и скрылась в служебном помещении.

– Ой, Алена, привет! – раздался рядом знакомый голос.

Я обернулась. Это была Галочка, моя хорошая знакомая.

Она работала машинисткой и частенько перепечатывала мои рукописи. Ей было уже за тридцать, и она остро переживала «женскую неустроенность» – в таком возрасте здесь полагалось быть замужем и с детьми. Галочка лелеяла надежду, что ее многолетний любовник, Подзоров, наконец уйдет к ней от жены. Помнится, перед Новым годом он клялся, что развод – дело решенное. Но вот уже апрель, а милый друг все еще оставался в семье.

Я кивнула Галочке и, взяв ее под локоть, отвела чуть в сторону, за высокие стеллажи с консервами. Отсюда, сквозь щель между банками, было видно, как продавщица вернулась к Нине со стаканом воды.

– Смотри-ка, – прошептала Галочка, поправляя пальцем сползшие на кончик носа очки и с тревогой всматриваясь в дальний угол зала. – Совсем плохо нашей Нинке. Давление, что ли, скачет? Или сердце?

Я молча наблюдала, как Нина с отвращением отводит от себя руку продавщицы со стаканом воды.

– Это не сердце, Галочка, – сказала я. – Подозреваю, что у нее это на нервной почве.

Я хотела сказать – «психосоматическое», но не решилась, поскольку не помнила, в ходу ли был этот термин сейчас. Галочка округлила глаза.

– Как это – от нервов? – спросила она, понизив голос. – Она же такая молодая!

Я пожала плечами.

– Как у Валерии, значит, у Нинки нашей, – печально резюмировала Галочка. – Той тоже пришельцы из будущего мерещились, чуть участкового нашего не зарезала.

Мы помолчали.

Затем Галочка вдруг вздохнула – тяжело, с надрывом, она явно копила эту боль в себе уже очень давно.

– А Подзоров опять голову мне морочит, – выпалила она, глядя в окно. Голос ее звучал тускло. – Вчера был у меня. Клялся, что к первомайским праздникам точно все решит. Жена, мол, документы о разводе готовит… А я уже и верю, и не верю. И стыдно как!

Она замолчала, кутаясь в легкое весеннее пальто. Я не стала сразу отвечать. Иногда нужно, не перебивая собеседника, просто дать чужой боли выйти наружу.

– Он прямо как тот Бузыкин из «Осеннего марафона», – горько усмехнулась Галочка через минуту. – Смотрела ведь?

– Смотрела, – кивнула я. – Вот и твой Подзоров все пытается успеть, никого не обидеть, сохранить отношения и с тобой, и с женой. И в итоге просто сам выматывается в этом беге по кругу.

Галочка быстро заморгала.

– А если он решит все-таки уйти от жены? Но когда это произойдет, сколько еще терпеть? Страшно, – прошептала она. – Привыкла его ждать – а ведь день за днем, год за годом впустую летят. Жизнь проходит!

– Ты помнишь, что сказала одна из героинь фильма? Твой

герой-любовник может промурыжить тебя до сорока лет, а после ты уже никому не будешь нужна, – усмехнулась я.

– Я так хочу семью! – с печальным упрямством произнесла Галочка.

Момент был подходящий. Я порылась в сумке, достала блокнотик и карандаш.

Здесь опять надо заметить, что Николай дал мне с собой в прошлое книгу. Выглядела она довольно потертой, старинной, на ее обложке «красовалось» скучное название – «Учетные списки и сведения о населении и сословиях Тобольской губернии за 1900 год». Слова с ятями, на пожелтевшей гладкой бумаге, выцветший шрифт. Бюрократический обломок старой эпохи.

Книга была захвачена из будущего на тот случай, если планшет сломается. «Знающий судьбы людей – видит на несколько шагов вперед», – как высокопарно выразился Николай в 2025 году, объясняя мне, как пользоваться книгой.

В ней, помимо каких-то общих сведений о дальних и близких людях, имелась и информация о результатах лотерей, кладах; еще рассказывалось о специалистах, которые могут мне понадобиться в прошлом, там же описывались способы получения тех или иных благ и возможностей, варианты всевозможных лазеек, позволяющих добиться нужного – каких-то вещей и услуг (эти сведения взяты из воспоминаний, мемуаров, признаний и рассказов очевидцев того времени).

Была там и информация о свахах, я уже давно собиралась поделиться ею с Галочкой. Все сведения замаскированы «под старину».

– Слушай, Галя, – начала я осторожно, отрывая листок. – Я тут недавно разговорилась с одной очень милой женщиной… Где? А в библиотеке. Эта дама, знаешь ли, помогает людям знакомиться.

Галочка насторожилась, взгляд ее стал испуганно-недоверчивым.

– Сваха? – прошептала она, наморщив нос, как будто это было что-то недозволенное. – Ален, да что ты. Это же неприлично. Это для совсем отчаявшихся. Я же не…

– Ничего ты не «не», – мягко перебила я Галочку. – Она не сводня, а настоящая сваха! Просто добрая, мудрая тетушка, у которой большой круг знакомств. Никого насильно не женит. У нее призвание – соединять одинокие сердца! Вот. – Я протянула аккуратно сложенную бумажку. – Тут ее телефон. Скажешь, что ты от Катасоновой.

– Это кто такая? – спросила Галочка.

– Понятия не имею, но так надо сказать при встрече! – настаивала я. – Это, считай, подпольная сваха, работает только для своих.

Галочка завороженно взяла записку, затем медленно, будто все еще сомневаясь, спрятала ее в карман своего пальто.

– Пожалуй, рискну и позвоню! – вдруг решительно произнесла она, и в глазах ее загорелись азартные огоньки.

До выхода фильма «Одиноким предоставляется общежитие» было еще несколько лет, он появится на экранах в 1983 году. Картина – трогательная история Веры и Виктора, коменданта общежития. История двух разбитых сердец, развернувшаяся на фоне вечной человеческой проблемы – одиночества… Героиня Натальи Гундаревой, сваха Верочка, станет настоящим символом и призвания, и народной мудрости.

…У скамьи в конце рыбного отдела, где сидела Нина, теперь собралась небольшая толпа. Две продавщицы в ситцевых халатах, заведующая в строгом костюме и двое медиков – врач с утомленным лицом и совсем юная фельдшерица с медицинским чемоданчиком. Скорая приехала.

Нина уже не сжимала грудь, а лишь нервно поправляла прическу.

Мы с Галочкой, стараясь не привлекать внимания, прислушались.

– Так, гражданочка, – закончив обследование, деловито произнес врач, вынимая дужки фонендоскопа из ушей. – Сердце бьется ровно. Тоны ясные, ритм правильный, ни шумов, ни сбоев. Давление у вас как у космонавта. Температура тоже нормальная.

– Но мне было плохо… очень плохо, – упрямо настаивала Нина. – Голова кружилась, я дышать не могла.

– Оснований для госпитализации не вижу, – вынес вердикт врач. – Дам совет на будущее: ночью спите с открытой

форточкой, побольше гуляйте. И главное, – он сделал многозначительную паузу, – не думайте постоянно о плохом, все болезни от нервов.

Нина кивнула, не глядя ни на кого. Она испытывала отвращение к этому миру, отказавшемуся признавать ее страдания.

Врач расписался в какой-то тетради у заведующей, кивнул Нине, и они с фельдшерицей направились к выходу. Их белые халаты мелькнули в проеме стеклянных дверей и исчезли.

– Все как ты сказала… Точно, это нервы у Нинки. Ладно, пойду ее хоть до дому доведу! – сказала добросердечная Галочка. Коснулась моей руки, прощаясь, и двинулась к Нине.

Я кивнула и вернулась в зал. Положила в корзину банку икры минтая, филе трески и направилась к кассе.

…На улице вечерний воздух уже отдавал прохладой. Я оглянулась на вывеску магазина.

«Океан»… С этим названием было связано одно из самых громких коррупционных дел в истории Советского Союза.

Афера раскрылась почти случайно, когда в 1976 году пенсионер обнаружил в банке с килькой икру осетра и поднял шум. Этот незначительный инцидент позволил выявить хищения всесоюзного масштаба. В результате расследования разоблачили целую сеть махинаторов. Арестовали генерального директора фирмы «Океан» Ефима Фельдмана и директора одного из магазинов сети Владимира Фишмана. Они

дали показания, в которых всплыла фамилия руководителя «Союзрыбпромсбыта» Юрия Рогова. Верхушку пирамиды занимал заместитель министра рыбного хозяйства СССР Владимир Рытов. Его впоследствии приговорили к высшей мере наказания. Фельдман и Фишман получили по двенадцать лет лишения свободы.

Размах потрясал: по делу проходило рекордное количество подозреваемых – из торговой сети было уволено около пяти тысяч, осуждено более полутора тысяч человек.

Я думала о парадоксальности произошедшего. Как его оценивать? С одной стороны, от объемов воровства и числа вовлеченных действительно холодело внутри. С другой – можно было восхититься настойчивостью той самой системы, которая сумела сама себя «чистить» с беспощадной тщательностью, выкорчевывая преступную сеть – от мелких исполнителей до замминистра. Я в который раз вспомнила слова Глеба Жеглова из фильма «Место встречи изменить нельзя»: «Правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать!»

Здесь, в семидесятые (пусть уже и началось следующее десятилетие), эта формула, казалось, еще работала.

Но уже совсем скоро, к середине восьмидесятых, работа магазинов станет стремительно ухудшаться. Ассортимент «похудеет»: пропадут лососевые, копченая осетрина… Появится практика «товара в нагрузку»: чтобы купить горбушу, придется брать менее популярные консервы.

Этот спад произойдет на фоне странной ситуации: флот Министерства рыбного хозяйства и колхозный промысел работали на полную мощность, а склады, по слухам, были забиты готовой продукцией. На таком фоне пустующие прилавки «Океана» будут восприниматься уже не как случайность, а как симптом системного сбоя.

Но многие тогда, да и в будущем сочтут это не сбоем, а сознательной диверсией, направленной на дискредитацию строя и подготовку к развалу СССР. Будут утверждать, что дефицит создавали намеренно.

Девяностые годы двадцатого века окажутся темным мороком, из которого не сразу получится выбраться… да и не всем.

Артур знал от меня (а также изучил информацию в планшете), какие нелегкие испытания ждут страну впереди. Он согласился участвовать в опасной авантюре по исправлению будущего, желая предотвратить мрачные девяностые.

Мы с Артуром подгадали момент и внушили Генеральному секретарю Леониду Ильичу Брежневу, что надо назначить себе преемника – Петра Мироновича Машерова. А Машерову, в свою очередь, нам удалось тайно подбросить папку с докладом о событиях, ожидающих страну в ближайшие годы.

Кажется, нам с Артуром удалось изменить некоторые вещи – например, ситуацию с Афганистаном, хотя проблема никуда не исчезла, ее собирались решать, но как именно, мы

пока не знали. На данный момент было известно только одно – бойкота не будет, на Олимпиаду-80 собираются прибыть спортсмены со всего мира.

Еще в своем докладе мы предупредили Машерова о необходимости предотвратить чернобыльскую катастрофу, которая может произойти в 1986 году.

Мы передали ему имена тех, на кого можно положиться, и имена других, кто позволит развалить страну, агентов влияния, информаторов, работающих на наших противников, и прочих.

Главное, мы предупредили Машерова о его возможной гибели осенью 1980 года.

Всю эту операцию по передаче сведений мы обставили довольно тонко и хитро, ведь нас до сих пор так и не смогли вычислить.

Результаты наших с Артуром действий проявлялись постепенно, не сразу, вызывая у меня странные, почти мистические ощущения, словно я находилась внутри долгого и красочного сна.

Мне иногда даже казалось: вот наступит утро, я проснусь, открою глаза и пойму, что нахожусь у себя дома, в Москве 2025 года. Вроде бы все хорошо, и те страшные шрамы на теле страны, что возникли в девяностые, затянулись. Нет, они оставались, но уже не кровоточили так сильно. Можно было бы выдохнуть, но только вот мне шестьдесят три года, жизнь прошла пусто и одиноко, без Артура, убитого Валерией в ав-

густе 1979 года. Нет никакой машины времени, как и не было того разговора с Николаем, когда он предложил мне отправиться в прошлое, чтобы спасти брата.

Я возвращалась из магазина, размышляя над тем, как муж отнесется к тому, что завтра мне придется уехать.

Дверь открыла домработница Раиса.

– Вот, Аленка, явилась наконец… а тут, представь, сюрприз всем нам! – вздохнула она, забирая у меня авоську. – Что, опять рыбу принесла? Мы точно все мяукать скоро начнем.

– А что случилось? – спросила я, раздеваясь у вешалки. – Какой сюрприз? Артур еще не пришел?

– Пришел… – ответила Раиса. – Собирается вон, в командировку его завтра отправляют.

– Ой, – вздрогнула я. – И мне завтра придется уехать! И тоже в командировку.

– Да что это за семья такая, – с досадой воскликнула Раиса. – Лишь бы сбежать куда подальше. Конечно, какие дети, откуда они возьмутся, если муж с женой по разным углам то и дело разбегаются…

Ворча, она ушла на кухню. Ну вот он налицо, недостаток прошлого – окружающим было до всего дело, никакой деликатности.

– Что, и ты уезжаешь?! – выскочила в прихожую Мария Олеговна, свекровь, с заплаканными глазами. Она услышала наш разговор с домработницей. – Да что ж такое, все меня

бросают! Одна на старости лет останусь…

– Машенька, родная, у тебя же есть я, дай ты детям жить спокойно, пусть делают что угодно, – благодушно заворчал Петр Дмитриевич, свекор, и потянул жену обратно в комнату, кивнув мне: – Привет, Аленушка! Не обращай внимания. У нас тут нервы…

– Коля уже съехал, и скоро они с Леночкой вообще отправятся на край света! – донеслись из-за за закрытой двери причитания свекрови.

Младший брат Артура, Николай, в январе этого года женился на Лене-прошлой, моем двойнике. Молодые супруги жили сейчас у нее, с мамой Лены (и моей родной мамочкой, соответственно), и планировали в ближайшее время перебраться во Францию. Они покидали страну навсегда. Легально выехать из СССР в эти годы было очень сложно, но все-таки возможно – в основном по каналам воссоединения семьи.

Я зашла в нашу с Артуром комнату и увидела, что он собирает чемодан.

– Привет, – бросил муж, коротко взглянув на меня. – Завтра отбываю.

– Да? – пожала я плечами, уже готовая обидеться. – Неожиданно… Что ж, и я завтра тоже.

– Куда? – вскинулся Артур, впился в меня своими меняющими цвет, темными и одновременно яркими глазами, которые в иные моменты и при ином освещении казались бук-

вально «горящими», вот как сейчас.

– В «Зарю». Помнишь этот санаторий? – Я закрыла за собой дверь, повернула ключ в замке. Добавила, понизив голос: – Мы там в ноябре Машерову папку с документами подбросили.

– Такое не забудешь, – усмехнулся Артур. – Там же фильм по твоей повести снимают?

– Да, просили помочь доработать сценарий. Поэтому и зовут приехать – говорят, за неделю или две можно справиться, – пояснила я. – Но куда ты собрался?

Он ответил не сразу. Вдруг, словно забыв о сборах, сел на стул, положив локоть на стол, уставился куда-то вниз.

– Что? – испугалась я, садясь напротив на кровать.

– Все хорошо. Даже более чем, – медленно произнес Артур. – Все начинает идти по нашему плану. Перспективные научные проекты снимают с полок и начинают воплощать в жизнь. Академик Забуцкий порекомендовал мой проект комиссии, которая занимается уже другим – он называется ОГАС и принадлежит Виктору Михайловичу Глушкову. Оба проекта, мой и Глушкова, объединят в один.

– Про твой проект я знаю, он о том, как использовать энергию Солнца в промышленных масштабах. А что такое ОГАС? – осторожно спросила я.

– Общегосударственная автоматизированная система, – пояснил Артур. – У нас, как ты знаешь, экономика плановая. Но работает все не вполне синхронно. Госплан здесь,

в Москве, пишет указания, они идут на заводы, с заводов в Госплан обратно идут отчеты, а что происходит на местах – иногда остается только гадать. С чем сравнить разработку Глушкова? – Он пожал плечами. – Наверное, с интернетом, который появится еще не скоро.

– Ты шутишь? – не поверила я.

– А ты загляни в свой планшет, почитай и про систему, и про ее создателя! – усмехнулся супруг.

Он достал планшет из-под кровати, из тайника, в котором хранились все наши устройства из будущего, положил мне его на колени.

Я включила его и, водя пальцами по экрану, принялась искать информацию о Глушкове среди массива других сведений, собранных там в виде энциклопедии. И вот что я узнала:

«Выдающийся советский кибернетик, академик Виктор Михайлович Глушков мечтал о цифровом будущем. В 1960-х он разработал проект ОГАС – Общегосударственной автоматизированной системы, призванной стать единой компьютерной сетью для управления всей экономикой СССР.

Советская хозяйственная модель была плановой. Все предприятия получали задания, утвержденные наверху, и это касалось не только крупных программ вроде постройки ядерных реакторов, прокладки железных дорог через Восточную Сибирь или перевооружения армии, но даже производства носков и кастрюль.

Замысел Глушкова включал даже прототип безналичных

расчетов (подобие банковских карт).

Главное – ОГАС решала ключевые проблемы советской действительности:

Ликвидировала задержку информации. Вместо отчетов, которые шли неделями, а то и месяцами, данные поступали бы за часы.

Уничтожила бы приписки и фальсификации. Цифровые данные напрямую с предприятий не давали бы „рисовать“ выполнение планов.

Оптимизировала бы распределение ресурсов. Компьютер мог просчитать миллионы переменных, предложив самый эффективный вариант, тем самым устраняя хронический дефицит.

Сократила бы бюрократию в разы. Отпадала нужда в тысячах плановых работников, ведомственных согласованиях и подведении вручную балансов.

СССР мог получить эффективную, адаптивную и прозрачную экономику.

Но политическое руководство не поняло масштабов замысла, посчитав его „слишком передовым“ и чрезмерно дорогим. Проект был похоронен.

А ученый предвидел многое: персональные электронные устройства, замену бумажных книг, цифровые базы данных. Он умер в 1982 году, так и не увидев воплощения своей главной мечты.

Всего несколько лет спустя возникнет и станет мировой

сенсацией Всемирная паутина – интернет, на основе разработанной в США похожей сети ARPANET. Именно американский проект, а не ОГАС, сделается прототипом и прародителем глобальной Сети.

ОГАС не был похож на ARPANET, поддерживаемый в Соединенных Штатах; он стремился к гораздо большему, чем передача данных и общение между учеными.

А что, если бы детище Глушкова воплотили в жизнь?»

Я невольно оторвалась от экрана и поймала себя на горькой усмешке. Планирование… Вот оно, оказывается, какое – стратегическое, на десятилетия вперед. Не то что в моем времени. Там любой план жил ровно до тех пор, пока на горизонте не начинала маячить сиюминутная выгода. В девяностых закрыли детские сады, раздали здания или продали землю под ними, а через двадцать лет схватились за голову – в оставшиеся детские сады возникли очереди, мест детям не хватало, женщины не могли выйти на работу. В нулевых и десятых принялись вдруг лепить повсюду торговые центры один за другим. Хотя потом появились маркетплейсы. Итог известен: большинство торговых центров стало приходить в упадок. Бизнес в первую очередь думает о прибыли, а дальше – хоть трава не расти. Правильное планирование могло предотвратить подобные проблемы.

Я вздохнула, и продолжила чтение:

«Модели показывают, что внедрение разработки Глушкова могло за десять лет поднять производительность труда на

20–40 %, резко сократить дефицит и управленческий аппарат. СССР вошел бы в цифровую эру раньше Запада, создав гибридную планово-кибернетическую хозяйственную структуру. Это сделало бы страну первой цифровой сверхдержавой и, вполне вероятно, предотвратило бы коллапс 1991 года.

Замысел Глушкова опередил свое время, и в эпоху тотальной цифровизации конца первой четверти двадцать первого века ее принципы выглядят не как утопия, а как логичное решение для сложной экономической задачи.

Есть вероятность, что академик Глушков явился одним из прототипов профессора Громова в фантастических повестях Евгения Велтистова о мальчике-роботе Электронике.

Советский музыкальный телефильм „Приключения Электроника“ (о роботе и мальчике-двойнике Сыроежкине) был снят в 1979 году, а в широкий прокат вышел 2 мая 1980 года, сразу став культовым детским кино)».

«Ничего себе, – подумала я. – Всего несколько недель до премьеры фильма про Электроника…» Помолчав, я осторожно произнесла:

– Получается, проект Глушкова когда-то положили на полку, а теперь все-таки решили воплотить в жизнь? И мы с тобой этому поспособствовали, да? – Я вдруг спохватилась: – Погоди, но Глушков же скоро умрет?

– Теперь, может, и не скоро – раз взялись внедрять его идеи, – возразил Артур. – Академик уже отчаялся, ему ста-

ли мерещиться всякие конспирологические теории о происках врагов, а теперь он буквально воспрял духом… Его автоматизированная система потребует много энергии, и это будет уже моя задача. Если мы все справимся, именно все мы, вместе, то страна, надеюсь, сумеет пережить нефтяной кризис середины восьмидесятых, и возможно, что и девяностые годы мы пройдем без потрясений. Да и вообще мы опередим другие страны с нашими новациями. – Муж с торжеством улыбнулся.

От этой улыбки – открытой, ликующей, полной веры в завтрашний день – у меня вдруг защемило сердце. В такие минуты Артур казался мне чуть ли не пророком. Мне захотелось запомнить взгляд мужа именно таким: сияющим, устремленным вперед, без сомнений и усталости, которые неизбежно появляются после потери надежды.

У Артура были черные, чуть вьющиеся волосы почти до плеч, какая-то особенно «ладная» фигура… Он был очень красив – в очередной раз отметила я… И не просто красив, от него словно исходила энергия силы, энергия Солнца (именно так, с большой буквы).

В моем муже не было и тени тех рефлексий, что частенько терзали меня. Он не боялся вызовов, что преподносила ему жизнь, – всегда встречал их прямо, а возможные препятствия его не только не смущали, а как будто даже будоражили.

Артур – молодой гений, гордость Бауманки. Ему прочили

блестящее будущее. Считали, что он удивит мир открытиями, особенно в освоении солнечной энергии. Еще он работал над изобретением капсулы, способной перемещаться во времени. Когда Артура убила Валерия (в прошлой версии жизни), то Николай доработал именно это начинание брата, потратив на него десятилетия. И к старости Николай все-таки сумел сконструировать аппарат, перемещающийся во времени с помощью энергии Солнца.

Словом, Николай довел до ума одну из тех идей, которые Артур только задумывал.

А я… я не забывала о своей безответной первой любви, даже став пенсионеркой. И именно поэтому в конце концов я согласилась на безумное предложение Николая – отправиться в прошлое, чтобы спасти Артура.

– Опередим другие страны? Звучит прекрасно, – произнесла я задумчиво.

– У нас, оказывается, и кроме ОГАС столько прекрасных идей, которые в перестройку и в девяностые погубят, – с горечью произнес Артур. – Знаешь, больше всего мне жаль программу с «Бураном» – нашим отечественным шаттлом, челноком многоразового использования. Причем он уже летал в космос, потом вернулся… Состоялся запуск челнока и его блестящая автономная посадка. Развал СССР не позволил завершить работы, хотя инженеры, ученые и рабочие свою задачу прекрасно выполнили. А макет «Бурана» поставили в парке Горького в 1993 году как аттракцион. Или кафе

из него, что ли, сделали? Не запомнил, да и не хотел запоминать… Хорошо, что потом на ВДНХ его перевезли. А настоящий «Буран», не макет, был разрушен в 2002 году. Это я из твоего планшета узнал информацию о будущем! – пояснил он. – Пойми, если мы не начнем преобразования сейчас, то Запад уйдет вперед в технологиях. Сейчас уникальный момент, когда история может навсегда измениться и пойти в новом направлении…

– Я не сомневаюсь в наших ученых и важности их проектов, – перебила я Артура. – Меня смущают те, кто помешан на обогащении и импортных вещах, кто грезит о товарах из «Березки». Представь себе, вот только что думала об этом: была в магазине «Океан» и вспомнила «рыбное дело»… сколько народу было в нем замешано! Ну, ты слышал… Я так понимаю, что все эти махинаторы мечтают изменить существующую систему, развалить ее. Правда, они еще не догадываются, что сами погибнут под ее обломками – при дележке того, что останется.

– И это мы преодолеем, – возразил Артур. – Уже идут разговоры о чистке в верхах, в партии… Даже о постепенной отмене привилегий. Некоторых чиновников уже уволили. Машеров услышал нас, он приструнит зарвавшуюся номенклатуру, вот увидишь.

– Я не сомневаюсь, что он сделает это, но ты представляешь сколько будет недовольных, когда начнут «приструнять» всех этих важных номенклатурщиков? – яростно продолжи-

ла я. – А с учетом того, что Брежнев представил его как своего преемника… Да Петра Мироновича точно захотят уничтожить! И ты ведь в курсе, что и в прошлой реальности его, возможно, убили, пусть это и не доказано, но вот тебе и конспирологические теории…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.